

Р. Е. Тубылевич

ОБРАЗ ХАНШИ ТАЙДУЛЫ В ИСТОРИЧЕСКОМ РОМАНЕ В. А. ЛЕБЕДЕВА «ИСКУПЛЕНИЕ»

Резюме

В статье автор анализирует образ Тайдулы, жены хана Мухаммеда Узбека, в романе В. А. Лебедева «Искупление» с точки зрения привлекаемых источников и приемов их интерпретации. Для достижения цели реализуются следующие задачи. Во-первых, с опорой на исторические и филологические труды изучается образ Тайдулы в русских летописях, восточных сочинениях и фольклорных преданиях. Во-вторых, кратко анализируется рецепция ее образа в русских исторических романах второй половины XX в. (М. Д. Каратеева, М. А. Рапова, Д. М. Балашова и В. Д. Афиногенова). В-третьих, проводится исследование художественной интерпретации образа Тайдулы в романе В. А. Лебедева. Применяя метод сравнительно-сопоставительного анализа, автор статьи приходит к следующим выводам. Главным источником для писателя стала летописная легенда об исцелении Тайдулы от слепоты на финальном этапе ее складывания в варианте, представленном в Никоновской летописи и Степенной книге. Пересказывая эпизоды этого сюжета в детском воспоминании князя Дмитрия Донского, В. А. Лебедев выделяет самые яркие, памятные для ребенка детали и объясняет символические подробности слухами очевидцев. Он дополняет сюжет об исцелении ханши вымышленной «генеалогией», согласно которой Тайдула является наполовину русской. Ход мысли автора, объясняющего благодеяния татарской ханши ее происхождением, находит параллели в предании, записанном в мемуарах известного географа и путешественника П. П. Семенова-Тян-Шанского, в русском фольклоре. Все это оказывает влияние на смену акцентов в легенде об исцелении и усиливает роль Тайдулы как защитницы русских земель в романе.

Ключевые слова: В. А. Лебедев, «Искупление», исторический роман, древнерусское историческое повествование, рецепция образов и мотивов, Тайдула, митрополит Алексей

Ruslana E. Tubylevich

THE IMAGE OF TAIDULA, THE KHAN'S WIFE, IN VASILIIY LEBEDEV'S HISTORICAL NOVEL *EXPIATION*

Abstract

This article employs the method of source criticism to analyze the image of Taidula, wife of Muhammad Uzbek, who was khan of the Golden Horde, in Vasiliiy Lebedev's historical novel *Expiation*. Building upon historical and philological research, the author studies the image of Taidula as it is found in Russian chronicles, oriental writings and folklore. The author then briefly analyzes the reception of this image in some Russian historical novels of the second half of the 20th century, including works by Mikhail Karateev, Mikhail Rapov, Dmitriy Balashov, and Vladimir Afinogenov. The article concludes with an investigation of the artistic interpretation of the image of Taidula in Vasiliiy Lebedev's novel. Using the method of comparative analysis, the author establishes that the main source for the writer was the chronicle legend about Taidula's healing from blindness that is found in the Nikon Chronicle and The Book of Degrees (Stepennaia kniga). In his retelling of the plot, Vasiliiy Lebedev focuses on the most vivid and memorable details from Prince Dmitry Donskoy's childhood memories. He explains the symbolic details using eyewitness accounts and supplements the story of the healing of the khan's wife with a fictional genealogy in which Taidula appears as a half-Russian. The legend of healing, which highlights Taidula's role as a defender of the Russian lands, finds parallels in the memoirs of the famous geographer and traveler Petr Semenov-Tyan-Shansky as well as in the plots of Russian folklore. The author's attempt to link the charitable deeds of the Tatar khan's wife to her origin contributes to the shift in the perception of her role.

Keywords: Vasiliiy A. Lebedev, *Expiation*, historical novel, Ancient Russian historical narration, reception of images and motives, Taidula, Metropolitan Aleksii

DOI 10.31860/2712-7591-2024-1-80-94

Литературный герой — актуальный объект изучения в современном литературоведении [Федосеева, с. 72]. Ряд трудов В. Д. Оскоцкого, А. А. Пауткина, О. В. Богдановой, О. С. Октябрьской, С. Ф. Меркушова, Д. В. Поля, Е. В. Кирпичевой и др. исследуют приемы интерпретации известных по русским летописям исторических лиц (например, Владимира Мономаха, Дмитрия Донского, Ивана Грозного) в русских исторических романах. Исследователи отмечают, что ни один из писателей не ставил перед собой задачу скрупулезного следования историческим документам. Они компилировали данные разных источников, «беллетризовали» или переосмыслили их [Оскоцкий, с. 10], создавая свою интерпретацию события или исторического лица.

В статье мы обращаемся к личности Тайдулы (Тайтуглы-хатун, умерла, по разным датировкам, в 1360 или в 1361 г.)¹ — жены хана Мухаммеда Узбека, правившего в Золотой Орде в 1313–1341/42 гг. [Селезнев]. Сведения о ней сохранили русские летописи и жития, труды восточных историков и путешественников. Цель статьи — проанализировать образ ханши в историческом романе В. А. Лебедева «Искупление» (1980) с точки зрения привлекаемых источников и приемов их интерпретации. Анализ будет предварен кратким обзором сведений о Тайдуле в русских летописях и восточных сочинениях, русских исторических романах второй половины XX в.

Эпизоды «биографии» ханши² на фоне политической обстановки в Орде были реконструированы в трудах историков А. П. и В. П. Григорьевых, Ю. В. Селезнева, И. Н. и Р. Ю. Почекаевых и др. Легенда о ее исцелении митрополитом Алексием рассмотрена в работах Д. Ю. Кривцова [Кривцов 2002; 2018]. Творчеству В. А. Лебедева посвящены работы Р. Д. Мессер [Мессер], О. В. Богдановой (Васильевой) [Богданова 2004; 2005; 2006; 2017а; 2017б; 2023; Васильева]. Интерпретация ее образа в русских исторических романах еще не изучалась. В этом и заключается новизна нашей работы.

Василий Алексеевич Лебедев (1934–1981) — прозаик, автор романов на современные и исторические темы [Богданова 2005, с. 404]. В исторических романах «Обреченная воля» (1975), «Утро Московии» (1976), «Искупление» (1980) доминирует «мотив духовной и национальной разрозненности русского народа» [Богданова 2005, с. 404], делается акцент на «внутренней, вневременной сути» событий, на том, как они «повлияли на духовное самоопределение (...) героев» [Богданова 2017а, с. 18]. Столкновение персонажей — выразителей разных «правд» и мировоззрений — дополняется размышлениями о роли русского национального характера в самые сложные для государства периоды [Богданова 2017а, с. 18–20; 2017б, с. 24].

Социально-психологический роман «Искупление» (первое название — «Небренное поле»), по определению О. В. Богдановой, является вершиной творчества писателя. В его основе лежит идея национального единения и искупления как важной категории исторического пути России. Искупление понимается не только как освобождение от татаро-монгольского ига, но и как «плата кровью за грехи вероотступничества, братопредания, междоусобия» [Богданова 2023, с. 246]. Доминантой художественного мира романа исследователи называют опору на средневековое мировоззрение с его верой

¹ Дата смерти Тайдулы у историков обозначена по-разному: у Ю. В. Селезнева — 1361 г., у И. Н. и Р. Ю. Почекаевых — 1360 г. [Почекаев, Почекаева, с. 202].

² Термин «ханша» в статье употребляется в значении «жена хана». Официальным правителем или регентом Тайдула не была, так как не принадлежала к ханскому роду.

в божественный миропорядок. Борьба русских княжеств с Ордой изображается как сражение «света и тьмы, Бога и дьявола» [Богданова 2023, с. 245]. Антитетичные образы и мотивы «дух — плоть, вера — неверие, святость — грех», «день — ночь, солнце — луна, восход — закат, гром — тишина» и др. влияют на все компоненты художественного мира романа³. Антитетичность характерна и для эпизодического образа ханши Тайдулы.

Сведения о ханше содержат сочинения восточных историков и путешественников, русские летописи. Как отмечают историки И. Н. и Р. Ю. Почекаевы, многое в биографии Тайдулы «спорно, противоречиво, а порой и просто мифологизировано» [Почекаев, Почекаева, с. 186]. С одной стороны, в записях купца Ибн Баттуты, персидского историка Абу Бакр ал-Кутби ал-Ахари и других авторов говорится о ее участии в официальных мероприятиях хана, приемах иностранных послов⁴, о покровительстве католикам, проживающим в Орде [Почекаев, Почекаева, с. 187–188, 196]. С другой — есть намеки на самое активное участие ханши в политической борьбе двух ее сыновей. Выдвижению одного — младшего, Джанибека, — в обход наследника престола — старшего, Тинибека, — мать поспособствовала при жизни мужа. Завершение борьбы между ними воцарением младшего и убийством старшего только упрочило положение Тайдулы⁵ во многих сферах, каковое сохранялось вплоть до ее казни в 1360 (или 1361) г. по приказу очередного хана [Почекаев, Почекаева, с. 196].

В русских летописях Тайдула представлена как «христианская заступница»⁶. Упрочению этой роли способствовала и легенда об ее исцелении от слепоты митрополитом Алексием в 1357 г. [Кривцов 2002]. Она прошла несколько этапов развития⁷. Созданная с опорой на агиографическую схему

³ См. об этом: [Богданова 2023, с. 245].

⁴ Статус ханши был определен рождением двух наследников и, по-видимому, принадлежностью к могущественному роду [Почекаев, Почекаева, с. 188].

⁵ В последние полгода жизни Тайдула заключила брак с Мухаммадом Наурусбеком (Наврусом в русских летописях), которого возвела на престол сама в надежде сохранить свою власть [Почекаев, Почекаева, с. 201].

⁶ Р. Ю. и И. Н. Почекаевы пишут о косвенном упоминании ханши в Тверской летописи под 1339 г., когда к ней обратился за помощью приговоренный к казни в Орде тверской князь Александр Михайлович, но получил отказ [Почекаев, Почекаева, с. 189–190]. Востоковед А. П. Григорьев выдвинул версию о том, что между ханскими женами могли быть распределены «конфессиональные» обязанности. Поэтому Тайдула могла отвечать за контакты с христианами, а другая жена — с мусульманами [Почекаев, Почекаева, с. 189].

⁷ Подробно процесс складывания этой легенды изложен в работе Д. Ю. Кривцова, мы лишь кратко обозначим эти этапы. В самом раннем рассказе «О Алексее митрополите», в Рогожском летописце, Симеоновской и Троицкой летописях легенды об исцелении ханши еще нет, упоминается только ее просьба к митрополиту приехать в связи с ее «нездоровьем». Здесь же как знак

об исцелении святым «нечестивого правителя или кого-нибудь из его близких родственников» и знакомая средневековому книжнику по житиям византийских святых, она не только закрепилась в русской культуре, но и обростала новыми подробностями. В частности, преданиями, связанными с подарками хана и его жены митрополиту — саккосом и перстнем, с бывшим ордынским подворьем в Москве, на котором был поставлен Чудов монастырь⁸.

Новые версии предания о поездке Алексия в Орду появились и в фольклоре [Медведев, с. 102]. К образу Тайдулы отсылает предание о церкви свв. Космы и Дамиана (Кузьмы и Демьяна) в с. Березово Рязского района Рязанской области⁹ в мемуарах П. П. Семенова-Тян-Шанского (1917). Его героиня, молодая жена диакона, захваченная в плен во время одного из татарских набегов, соотносится с ханшей Тайдулой: «...во время одного из татарских набегов Березово было разгромлено татарами, мужчины перебиты, а женщины, в том числе и жена убитого диакона, были взяты в плен. Необыкновенная ее красота обратила на себя внимание хана, который взял ее себе в жены. Это и была, по преданиям, знаменитая в русских летописях царица Тайдула, супруга хана Джанибека» [Семенов-Тян-Шанский, с. 50]. В записи второй половины XX в. от жителя того же села участниками фольклорной экспедиции Рязанского государственного педагогического института привязки к конкретной исторической личности нет [Соколова, с. 55]. В разных вариантах это предание вошло и в современные краеведческие энциклопедии [Березово; Мокроусов]. Оно отражает одну из реалий русско-ордынских отношений. Как пишет Н. Л. Пушкарева, русские пленницы¹⁰ «чаще всего

будущего благополучного возвращения митрополита появляется эпизод со свечой, зажегшейся в церкви ночью накануне его отъезда. Следующий по времени рассказ Новгородской четвертой и Софийской первой летописей повествует о поездке митрополита в Орду уже после смерти Джанибека, чтобы «усмирить» хана Бердибека, ханша в нем не упоминается. Соединение двух визитов митрополита в Орду и включение в рассказ о них множества новых деталей происходит в Житии митрополита Алексия, созданном Пахомием Логофетом, и связывается Д. Ю. Кривцовым с канонизацией этого духовного лица в середине XV в. Житие уже содержит развернутый рассказ об исцелении Алексием безымянной «Амуратовой царицы» от слепоты, дополненный уже встречавшимся ранее знамением со свечой, воском которой, святой водой и молитвами митрополит и исцеляет жену Амурата. В Никоновской летописи и Степенной книге образы безымянной царицы и Тайдулы соединяются [Кривцов 2002].

⁸ См. об этом: [Кривцов 2018].

⁹ Пересказано также в книге: [Россия, с. 407]. Соотнесение героини предания с Тайдулой звучит как гипотеза: «Не была ли эта ханша женой Чанибека, „царицей Тайдулой“, и не объясняется ли этим и дарование ей ханом удела вблизи от ее родины и обращение ее за исцелением к (...) митрополиту Алексию?» [Россия, с. 407].

¹⁰ Эта проблема нашла отражение в русском фольклоре: см. сюжет «Теща в плену у зятя» [Вот не шум шумит, с. 23–24].

превращались татарами в наложниц или, „если повезет“, во вторых жен» [Пушкарева, с. 58].

Следующей ступенью развития образа ханши становятся исторические романы. Ханша Тайдула упоминается в романах «Зори над Русью...» (1954—1958) М. А. Рапова, «Карач-Мурза» (1962) М. Д. Каратеева, «Симеон Гордый» (1983) и «Ветер времени» (1987) Д. М. Балашова, «Конец черного темника» В. Д. Афиногенова (1995). Ее образ в них различается в зависимости от авторского замысла и использованных источников. Так, в романе В. Д. Афиногенова дается развернутая картина ордынской «замятни», на фоне которой автор уделяет внимание участию Тайдулы в борьбе за власть. Опираясь на восточные сочинения, он создает отталкивающий образ коварной и жестокой ханши, под прикрытием материнской заботы сталкивающей сыновей друг с другом.

В романах М. А. Рапова и М. Д. Каратеева на первый план выходит процесс укрепления и централизации Руси на фоне ордынских междоусобиц. В связи с необходимостью подчеркнуть новую расстановку сил образ ханши создается с опорой на летописную легенду об исцелении, ставящую Тайдулу в зависимость от милосердия, силы веры и особых умений русского митрополита. Она отличается кротостью, благодарит своего целителя и даже становится его духовной ученицей (у М. Д. Каратеева).

Самый сложный образ Тайдулы создает Д. М. Балашов. Изображая ее с «психологической достоверностью» как неоднозначную личность, он пытается воссоздать ее мироощущение через призму темы бремени власти, которая становится доминирующей в его цикле «Государи Московские» (1975—2000) [Капица, Колядич, с. 263—264, 266—268]. Используя весь арсенал источников о Тайдуле, он изображает ее в разные периоды жизни, показывает, как в ее личности сочетаются роли жены, матери и владычицы Орды. Жажда власти становится стержнем ее характера.

Оригинально, с опорой на различные источники, создает ее образ В. А. Лебедев. В романе ханша — эпизодический персонаж. Она появляется в детских воспоминаниях уже взрослого князя Дмитрия Донского¹¹:

У знаменитого Узбек-хана был темник, не уступавший по жестокости самому Ногаю, зверю из зверей, убивавшему ханов, назначавшему новых и повелевавшему Ордой. У того темника родилась от русской пленницы красавица дочь. Сын Узбек-

¹¹ Учитывая, что датой рождения Дмитрия Донского называется 1350 г., в 1357 г., когда митрополит Алексий ездил в Орду для лечения Тайдулы, ему было около семи лет. В качестве мужа ханши в романе указан ее сын — Джанибек. Эта ошибка отразилась и в русских летописях, а затем «нашла отражение в позднейшей историографии XIX—XX веков» [Почкаев, Почкаева, с. 193].

хана Джанибек купил ее в жены. И как ни старались темники, беги, эмиры, как ни выискивали они ему жен из своей родни — не было прекрасней и умней ее. Русская кровь дала ей спокойный нрав, русые волосы, легкую поступь длинных красивых ног, каких не сыскать во всей Орде, неискоренимую и удивительную для кочевников привычку к чистоте тела. Умом превосходя многих советников хана, она стала и его первой советницей в делах государственных. С ней он чувствовал себя спокойно, и кто знает, не Тайдула ли целых семнадцать лет держала татарские орды в степях, не отпуская на милую Русь. Боялись и ненавидели ее в Золотой Орде...

И вот однажды — помнит Дмитрий переполюх в Москве — уезжал митрополит в Орду. Вот так же провожали его. Народ не спал, выходил на улицы. Мальчишки висели на деревьях, чернели шапками, будто прибавилось грачиных гнезд... Это митрополит ехал в Орду лечить Тайдулу. Она ослепла в одночасье. «Мы слышали, что небо ни в чем не отказывает молитве главного попа вашего: да испросит же он здравия моей супруге», — написал хан в Москву. Митрополит догадывался, что Тайдулу замыслили отравить, но она осталась жива. В ночь перед его отъездом сама возгорелась в церкви свеча, такова молва шла по Москве, — воском той свечи да водой святой митрополит вернул зрение Тайдуле. На радостях хан Джанибек одарил митрополита Московского великими дарами, а красавице Тайдуле сделал тоже подарок — как сказывали — заложил будто бы в порубежье русской земли и ордынских пределов город ее имени — Тайдула, что стал зваться на Руси то Ай-Тула, то проще Тула... Так ли было оно — неведомо [Лебедев, с. 111–112].

Рассказ о ханше условно делится на две части: краткая «генеалогия» Тайдулы, частично выдуманная писателем, и эпизод ее исцеления митрополитом, созданный с опорой на средневековые письменные источники. С учетом особенностей долговременной памяти эти эпизоды фрагментарны и охватывают только самые яркие моменты: долгий зимний вечер в княжьем дворце; разговор отца (князя Ивана II Красного) с митрополитом о грядущей поездке в Орду; «переполюх в Москве» перед выездом Алексия. В этом эпизоде появляются яркие детали, запомнившиеся маленькому Дмитрию: народ, вышедший на улицы, мальчишки, облепившие деревья и «черневшие шапками, будто прибавилось грачиных гнезд» [Лебедев, с. 111–112] и — на фоне общей напряженности — свеча, зажегшаяся в церкви в ночь перед поездкой.

Рассказывая об исцелении Тайдулы, автор опирается на легенду в ее «финальном» варианте из Никоновской летописи и Степенной книги. Он сохраняет ее основные мотивы: слепоту Тайдулы, вызов митрополита в Орду, чудо с зажегшейся накануне поездки митрополита свечой, использование ее воска и святой воды для исцеления ханши и вознаграждение митрополита (бывшее ордынское подворье). Как и М. Д. Каратеев, упоми-

нает Тулу как резиденцию Тайдулы («заложил будто бы в порубежье русской земли и ордынских пределов город ее имени — Тайдула, что стал зваться на Руси то Ай-Тула, то проще — Тула» [Лебедев, с. 112]) и отсылает к гипотезе Н. М. Карамзина об этимологии названия этого города¹². Эта популярная и в XX в. версия, по словам Т. В. Майоровой и С. А. Мельниковой, расходится с данными летописей [Майорова, Мельникова].

События до и после исцеления ханши сопровождаются оговорками: «кто знает»; «такова молва шла»; «заложил будто бы...»; «так ли было оно — неведомо» [Лебедев, с. 111–112]. Опора на слухи, детский возраст очевидца событий и большой временной отрезок, отделяющий прошлое от настоящего, — все это помогает писателю встроить и мистический мотив о загоревшейся свече, и вымышленный материал в советский исторический роман с его тяготением к реализму и факту. Сюда же относится и оригинальная гипотеза о генеалогии Тайдулы.

М. А. Рапов и М. Д. Каратеев не касались вопроса национальности ханши¹³. У Д. М. Балашова нет сомнений в том, что Тайдула — монголка [Балашов, с. 238]. В. А. Лебедев усложняет «биографию» Тайдулы, вводя в произведение несколько вымышленных фактов о ее полурусском происхождении: «У знаменитого Узбек-хана был темник, не уступавший по жестокости самому Ногаю, зверю из зверей (...) У того темника родилась от русской пленницы красавица дочь...» [Лебедев, с. 111]. Уже обращавшийся к исследованию русского национального характера в романах «Обреченная воля» и «Утро Московии» писатель акцентирует внимание на русских качествах ее характера и внешности: «Русская кровь дала ей спокойный нрав, русые волосы, легкую поступь длинных красивых ног, каких не сыскать во всей Орде...» [Лебедев, с. 111].

«Пограничный» статус Тайдулы подкреплён и подарком ее мужа — городом Тулой, находящимся на границе территорий Руси и Орды. В реализации житийной «схемы» «приобщение язычницы к христианской благодати» теряет свою актуальность: Тайдула формально «чужая», но по сути «своя». Ее роль как «христианской заступницы» В. А. Лебедевым расширяется. Она

¹² «...Город Тула, названный именем Царицы Тайдулы, жены Чанибековой, и некогда управляемый ее Баскаками...» [Карамзин, с. 46]. Согласно летописям, ханша помогла разрешить спор о пограничных землях между московскими и рязанскими князьями, взяв территорию под свое управление. Даже название ее города-центра — Тулы — рядом исследователей возводилось к Тайдуле [Почекаев, Почекаева, с. 193].

¹³ О ее происхождении точно неизвестно. Востоковед А. П. Григорьев предполагает, что Тайдула могла принадлежать к тюрко-монгольскому племени кунграт, со времен Чингисхана «оставляющему» его потомкам невест [Почекаев, Почекаева, с. 186].

становится «защитницей Руси», ее возможным влиянием объясняется либеральная политика Орды того периода¹⁴: «не Тайдула ли целых семнадцать лет держала татарские орды в степях, не отпуская на милую Русь...» [Лебедев, с. 111]. Объяснение расположения Тайдулы к Руси ее полурусским происхождением отсылает к преданию, пересказанному П. П. Семеновым-Тянь-Шанским и вошедшему в издание «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества». Соотнесение героини с Тайдулой становится логичной ступенью в развитии образа от «единовременной» благодарной «амуратовой царицы» до ханши, которая ведет благожелательную к Руси политику (выдает выгодные для русской церкви ярлыки, разбирает тяжбы князей и т. д.) не из-за собственной выгоды, а на безвозмездной основе. Похожей логике следует и В. Лебедев в своем романе.

Знакомство писателя, имеющего филологическое образование¹⁵, с преданием, например, по классическому изданию «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества» было возможным. Кроме того, у В. А. Лебедева была определенная база знаний, в том числе и в области фольклористики¹⁶. Вместе с тем образ славянки, попавшей в плен и ставшей женой восточного правителя, находит параллели и в произведениях русской и советской литературы — например, в «Бахчисарайском фонтане» А. С. Пушкина (1823) или «Роксолане» П. А. Загребельного (1980). В определяющем для героини влиянии русских «корней» можно увидеть и уже отмеченное О. В. Богдановой [Богданова 2005, с. 404] тяготение автора к писателям деревенской прозы, в контексте которой связь с родом и прошлым становится «некой духовной субстанцией», «корневой основой личности» [Новожеева, с. 100]. Эта установка проявилась и в творчестве В. Лебедева,

¹⁴ В правление «доброе» (по русским летописям) хана Джанибека «не было ни одного нашествия на Русь» [Почекаев, с. 132]. Для сравнения, о его отце, «капризном» и «импульсивном» Узбеке, историки пишут так: «...ни один золотоордынский монарх ни до него, ни после не вмешивался так часто и так решительно в дела „русского улуса“, не назначал князей по своему усмотрению, не казнил их в таком количестве и не направлял так часто свои войска на Русь, чтобы заставить русских исполнять свою волю!» [Почекаев, с. 111].

¹⁵ См.: [Богданова 2005, с. 404].

¹⁶ Поэтому, например, тексты на сюжет «Теща в плену у зятя», вероятно, были ему знакомы. Как отмечают исследователи, фольклорные герои и сюжеты периодически возникали у В. Лебедева. Так, Р. Д. Мессер пишет, что сказка В. А. Лебедева «На заставе богатырской» (1974) является «оригинальной трактовкой известного былинного сюжета» [Мессер, с. 31], а в романе «Обреченная воля» есть следы «поэтических легенд» о временах Степана Разина и Ермака [Мессер, с. 40]. Как отмечает О. В. Богданова, опора на фольклор (сказки, былины, легенды, предания), в частности при написании В. Лебедевым сказок, была связана с «близостью эстетического идеала писателя народному эстетическому идеалу» [Богданова 2004, с. 30].

задающегося вопросом: «С чего начинается человек?» — ответом на который становится отношение к Родине и своим корням [Мессер, с. 10–11, 16].

Бескорыстное участие Тайдулы в судьбе русских земель в «Искуплении» высвечивает ее образ в мрачной¹⁷ галерее портретов ордынских правителей и их окружения. Перегибы их политики сжато представлены в монологе жены Дмитрия Донского Евдокии, в котором перечисляются самые известные преступления ордынских ханов против русских князей: «Они отравили прапрадеда твоего, Александра Ярославича (...) Это они убили благочестивого князя Черниговского со боярином Феодором. (...) Вспомни (...) как издевались над князем Михаилом Тверским — в колоде на шее водили по торгам... А не они ли (...) вырезали всех предков Ольга Рязанского?» [Лебедев, с. 65]. Коварство ордынцев заставляет Дмитрия беспокоиться за свою жизнь по дороге в Орду: «...ежели татары мыслят умертвить его, то проще всего свершить им это в чистом поле, будто пал великий князь русский от рук случайных кочевников...» [Лебедев, с. 110]. Помощь ханского посла Сарыхожи тоже не вызывает у него доверия: «А ведь обещал проводить, помочь, подготовить прием у хана. Этот подгото-овит!» [Лебедев, с. 110]. На фоне возрастающей напряженности повествования образ ханши Тайдулы становится тем «оберегом» от ордынского произвола, которого так не хватает Дмитрию и русским княжествам.

На антитезе, которая, по словам О. В. Богдановой, проявляется на всех уровнях произведения [Богданова 2023], построен и образ ханши Тайдулы. Он отличается синтезом противопоставленных в мировоззрении средневекового человека полюсов русского как «своего», «светлого», «положительного» и татарского как «чужого», «темного», «отрицательного». При внешнем противопоставлении чуждого Руси «татарского» начала в ней наблюдается внутреннее доминирование другого («русского»), что приводит к негативному восприятию ханши ее окружением¹⁸ («Боялись и ненавидели ее в Золотой Орде» [Лебедев, с. 111]), но позволяет героине выполнять миссию хранителя Руси. Образ Тайдулы цельный, ее душа не отягощена внутренним конфликтом. В отличие, например, от героя цикла романов М. Д. Каратеева «Русь и Орда» (1958–1967) Карач-Мурзы. Сын беглого

¹⁷ Это выражается и в темной цветовой гамме, связанной с образами татаро-монголов, где главенствующую роль играют оттенки черного [Богданова 2004, с. 89–90].

¹⁸ С этой точки зрения она близка другой героине романа — татарке Халиме, вышедшей замуж за русского Елизара Серебряника и оказавшейся в чуждой ей и негативно настроенной среде. Как образ Халимы воспринимается как «чужеродный и обособленный» [Богданова 2004, с. 98], так и Тайдула наполювину по крови и всецело по своим политическим взглядам выделяется из ханского окружения.

карачевского князя Василия Пантелеймоновича и дочери белоордынского хана Фейзулы, в условиях татаро-монгольского ига он испытывает проблемы с самоидентификацией. Благодаря помощи митрополита Алексия Карач-Мурза принимает свою «раздвоенность» и на протяжении всей своей деятельности в качестве советника ордынских ханов старается не нанести ущерба ни Руси, ни Орде. Подобный сюжетный ход, когда герой находится между двумя народами, находящимися в конфликте друг с другом, не только отражает исторические реалии, но и становится одним из приемов исторических романов со времен Вальтера Скотта.

Таким образом, противоречивый в восточных сочинениях образ ханши Тайдулы в русской агиографической и летописной традициях транслирует одну, главную для древнерусских книжников, роль защитницы русских земель от ханского произвола. Легенда о чудесном исцелении русским митрополитом ослепшей татарской ханши оказала влияние и на фольклорные предания, образ Тайдулы в которых мог приобретать неожиданные нюансы, например русское происхождение. В исторических романах М. Д. Каратеева, М. А. Рапова, В. А. Лебедева, Д. М. Балашова, В. Д. Афиногенова Тайдула становится как эпизодическим «монокромным» персонажем, так и психологически сложным, многогранным образом.

В. А. Лебедев, как и его предшественники, пересказывает легенду об исцелении Тайдулы митрополитом Алексием. Он дополняет ее вымышленной им, но имеющей параллели в русском фольклоре и литературе «генеалогией» ханши. В русле представлений авторов «деревенской прозы» о памяти рода как категории, значимой для характеристики персонажа, а также размышлений автора о русском национальном характере Тайдула выступает как мудрая советчица ордынского хана и становится главной защитницей Руси. Воспоминание об одном из редких светлых образов на фоне жестоких ордынских правителей становится своего рода лучом света для направляющегося в Орду Дмитрия Донского и напоминанием о том, что даже в Орде можно найти поддержку. Все это подготавливает главное событие для героев романа и закономерный этап исторического развития русско-ордынских отношений того периода — Куликовскую битву, которая, по мысли писателя, становится возможной благодаря единению всего народа.

Литература

- Балашов — *Балашов Д. М.* Ветер времени: Роман. Екатеринбург: Каменный пояс — книга, 1993. 544 с.
- Березово — Березово // Топонимический словарь населенных пунктов Рязанской области. URL: <https://istrzn.ru/ryazhsk/> (дата обращения — 12 декабря 2023 г.).

- Богданова 2004 — *Богданова О. В.* Историческая проза 1960–1990-х годов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. 105 с.
- Богданова 2005 — *Богданова О. В.* Лебедев Василий Алексеевич // Русская литература XX века: прозаики, поэты, драматурги: Биобиблиографический словарь: в 3 т. / Под ред. Н. Н. Скатова. М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. Т. 2. С. 404–405.
- Богданова 2006 — *Богданова О. В.* Творчество Василия Лебедева. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. 152 с.
- Богданова 2017а — *Богданова О. В.* Библейский мотив в романе В. А. Лебедева «Обреченная воля» // Успехи науки 2017: X Междунар. науч.-практ. конф. (1 июня 2017 г.): Сб. материалов. М.: НИЦ «Империя», 2017. С. 18–22.
- Богданова 2017б — *Богданова О. В.* Мотивы лесковского «Левши» в историческом романе В. А. Лебедева «Утро Московии» // Успехи науки 2017: X Междунар. науч.-практ. конф. (1 июня 2017 г.): Сб. материалов. М.: НИЦ «Империя», 2017. С. 22–24.
- Богданова 2023 — *Богданова О. В.* «Искупление» Василия Лебедева: национальное и государственное // Богданова О. В., Цветова Н. С. Эпох скрещенье... Русская проза 1960-х — 2020-х годов. СПб.: Алетейя, 2023. С. 245–261. URL: https://www.rulit.me/books/epoch-skreshchene-russkaya-proza-vtoroj-pолоviny-hh-nachala-hhi-v-read-794923-103.html#section_31 (дата обращения — 12 декабря 2023 г.).
- Васильева — *Васильева О. В.* Творчество В. А. Лебедева в литературном процессе 60-х — 80-х годов: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1990. 214 с.
- Вот не шум шумит — «Вот не шум шумит, да и не гром гремит» // Песни и сказки пушкинских мест. Фольклор Горьковской области. Л.: Наука, 1979. Вып. 1 / Изд. подгот. В. И. Еремина, М. А. Лобанов, В. Н. Морохин. С. 23–24.
- Капица, Колядич — *Капица Ф. С., Колядич Т. М.* Образ Древней Руси в современной прозе // Герменевтика древнерусской литературы / Отв. ред. Ф. С. Капица. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. [Сб. 14]. С. 258–357.
- Карамзин — *Карамзин Н. М.* История государства Российского: В 12 т. М.: Наука, 1993. Т. 5. 560 с.
- Кривцов 2002 — *Кривцов Д. Ю.* Рассказ о поездке митрополита Алексия в Орду в литературных источниках и историографии // Мир истории. 2002. № 5. URL: <http://krotov.info/history/14/2/kriv2002.html> (дата обращения — 10 декабря 2023 г.).
- Кривцов 2018 — *Кривцов Д. Ю.* Легенда о ханском подворье на месте Чудова монастыря в источниках и исторической литературе // «Вертоград многоцветный»: Сб. к 80-летию Б. Н. Флори / Отв. ред. А. А. Турилов. М.: Индрик, 2018. С. 201–212.
- Лебедев — *Лебедев В. А.* Искупление: Исторический роман. Л.: Сов. писатель, 1991. 400 с.
- Майорова, Мельникова — *Майорова Т. В., Мельникова С. А.* Родилась ли в споре истина? (О происхождении названия «Тула») // Тульский краеведческий альманах: Ист.-краевед. ежегодник. 2003. № 1. С. 28–32. URL: https://tulalmanac.blogspot.com/2011/07/blog-post_14.html (дата обращения — 18 декабря 2023 г.).

- Медведев — *Медведев А. А.* Устные предания о московском святителе Алексии // Русская речь. 2018. № 5. С. 99–104.
- Мессер — *Мессер Р. Д.* Идущие вослед: Литературные портреты. Л.: Лениздат, 1979. 240 с.
- Мокроусов — *Мокроусов О. Ю.* Берёзово (Козьмы и Демьяна) // Весь Рязск: Народная энциклопедия. URL: <https://весь-ряжск.рф/rubriki/tserkov/tserkvi/berjozovo-kuzmy-i-demyana.html> (дата обращения — 12 декабря 2023 г.).
- Новожеева — *Новожеева И. В.* Концепция человека в деревенской прозе 1960–1980-х гг. // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. СПб., 2007. № 10 (31). С. 99–102.
- Оскоцкий — *Оскоцкий В. Д.* Временник Павла Загребельного // Загребельный П. А. Собрание сочинений: В 5 т. М.: Худож. лит., 1986. Т. 1. С. 5–20.
- Почекаев — *Почекаев Р. Ю.* Цари ордынские: Биографии ханов и правителей Золотой Орды. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Евразия, 2012. 464 с.
- Почекаев, Почекаева — *Почекаев Р. Ю., Почекаева И. Н.* Властительницы Евразии: История и мифы о правительницах тюрко-монгольских государств XIII–XIX вв. СПб.: Евразия, 2012. 384 с.
- Пушкарева — *Пушкарева Н. Л.* Полонянки // Родина. 1997. № 3–4. С. 58–61.
- Россия — Россия: Полное географическое описание нашего Отечества: Настольная и дорожная книга для русских людей / Под ред. В. П. Семенова-Тян-Шанского. СПб.: Изд. А. Ф. Девриена, 1902. Т. 2: Среднерусская Черноземная область: Курская, Орловская, Тульская, Рязанская, Тамбовская, Воронежская и Пензенская губернии. 717 с.
- Селезнев — *Селезнев Ю. В.* Тайтуглы-хатун // Элита Золотой Орды / Под ред. И. М. Миргалеева. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009. С. 167.
- Семенов-Тян-Шанский — *Семенов-Тян-Шанский П. П.* Мемуары: В 5 т. М.: Кучково поле, 2019. Т. 1. 560 с.
- Соколова — *Соколова В. К.* Исторические предания Рязанской области // Литературоведческий сборник (статьи и публикации) / Рязан. гос. пед. ин-т; отв. ред. Р. А. Фридман. Рязань: [б. и.], 1972. С. 39–69.
- Федосеева — *Федосеева Т. В.* О литературной антропологии и литературном антропоцентризме современного литературоведения // Вестник РГУ им. С. А. Есенина. 2016. № 3 (52). С. 72–82.

References

- Balashov, D. M. (1993). *Veter vremeni. Roman*. Ekaterinburg: Kamennyi poyas — kniga. 544 p.
- 'Berezovó', in: *Toponimicheskii slovar' naseleennykh punktov Ryazanskoi oblasti*, accessed December 12, 2023, <https://istrzn.ru/ryazhsk/>
- Bogdanova, O. V. (2004). *Istoricheskaya proza 1960–1990-kh godov*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 105 p.
- Bogdanova, O. V. (2005). 'Lebedev Vasilii Alekseevich', in: N. N. Skatov, ed., *Russkaya literatura XX veka: prozaiki, poety, dramaturgi. Biobibliograficheskii slovar'*. 3 vols. Moscow: OLMA-PRESS Invest, Vol. 2, 404–405.
- Bogdanova, O. V. (2006). *Tvorchestvo Vasiliya Lebedeva*. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 152 p.

- Bogdanova, O. V. (2017). 'Bibleiskii motiv v romane V. A. Lebedeva «Obrechennaya volya»', in: *Uspekhi nauki 2017: X Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya (1 iyunya 2017 goda): Sbornik materialov*. Moscow: Nauchno-izdatel'skii tsentr «Imperiya», 22–24.
- Bogdanova, O. V. (2017). 'Motivy leskovskogo «Levshi» v istoricheskom romane V. A. Lebedeva «Utro Moskovii»', in: *Uspekhi nauki 2017: X Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya (1 iyunya 2017 goda): Sbornik materialov*. Moscow: Nauchno-izdatel'skii tsentr «Imperiya», 24–29.
- Bogdanova, O. V. (2023). '«Iskuplenie» Vasiliya Lebedeva: natsional'noe i gosudarstvennoe', in: Bogdanova, O. V., Tsvetova, N. S. *Epokh skreshchen'e.... Russkaya proza 1960-kh — 2020-kh godov*. Saint-Petersburg: Aleteiya, 245–261, accessed December 12, 2023, https://www.rulit.me/books/epoh-skreshchene-russkaya-proza-vtoroj-pолоviny-hh-nachala-hhi-v-read-794923-103.html#section_31.
- Eremina, V. I., Lobanov, M. A., Morokhin, V. N., eds. (1979). 'Vot ne shum shumit, da i ne grom gremit', in: *Pesni i skazki pushkinskikh mest. Fol'klor Gor'kovskoi oblasti*. Leningrad: Nauka. Vol. 1, 23–24.
- Fedoseeva, T. V. (2016). 'O literaturnoi antropologii i literaturnom antropotsentrizme sovremennoogo literaturovedeniya' [On literary anthropology and anthropocentrism of modern literary criticism], *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni S. A. Esenina*, 3 (52), 72–82.
- Kapitsa, F. S., Kolyadich, T. M. (2010). 'Obraz Drevnei Rusi v sovremennoi proze', in: F. S. Kapitsa, ed., *Germenevtika drevnerusskoi literatury*. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi. [Vol. 14], 258–357.
- Karamzin, N. M. (1993). *Istoriya Gosudarstva Rossiiskogo*. 12 vols. Moscow: Nauka. Vol. 5, 560 p.
- Krivtsov, D. Yu. (2002). 'Rasskaz o poezdke mitropolita Aleksiya v Ordu v literaturnykh istochnikakh i istoriografii', *Mir istorii*, 5, accessed December 10, 2023, <http://krotov.info/history/14/2/kriv2002.html/>
- Krivtsov, D. Yu. (2018). 'Legenda o khanskom podvor'e na meste Chudova monastyrya v istochnikakh i istoricheskoi literature', in: A. A. Turilov, ed., «Vertograd mnogotsvetnyi»: *Sbornik k 80-letiyu B. N. Flori*. Moscow: Indrik, 201–212.
- Lebedev, V. A. (1991). *Iskuplenie. Istoricheskii roman*. Leningrad: Sovetskii pisatel', 400 p.
- Maiorova, T. V., Mel'nikova, S. A. (2003). 'Rodilas' li v spore istina? (O proiskhozhdenii nazvaniya «Tula»)', in: *Tul'skii kraevedcheskii al'manakh. Istoriko-kraevedcheskii ezhegodnik*, 1, 28–32, accessed December 18, 2023, https://tulalmanac.blogspot.com/2011/07/blog-post_14.html.
- Medvedev, A. A. (2018). 'Ustnye predaniya o moskovskom svyatitele Aleksii', *Russkaya rech'*, 5, 99–104.
- Messer, R. D. (1979). *Idushchie vosled. Literaturnye portrety*. Leningrad: Lenizdat, 240 p.
- Mokrousov, O. Yu. (2023). 'Berezovo (Koz'my i Dem'yana)', in: *Ves' Ryazhsk: Narodnaya entsiklopediya*, accessed December 12, 2023, <https://vesь-ряжск.рф/rubriki/tserkov/tserkvi/berjozovo-kuzmy-i-demyana.html>
- Novozheeva, I. V. (2007). 'Kontsepsiya cheloveka v derevenskoi proze 1960–1980-kh godov', *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gertsena*, 10 (31), 99–102.
- Oskotskii, V. D. (1986). 'Vremennik Pavla Zagrebel'nogo', in: *Zagrebel'nyi P. A. Sobranie sochinenii*. 5 vols. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. Vol. 1, 5–20.

- Pochekaev, R. Yu. (2012). *Tsari ordynskie. Biografii khanov i pravitelei Zolotoi Ordy*. Saint-Petersburg: Evraziya, 464 p.
- Pochekaev, R. Yu., Pochekaeva, I. N. (2012). *Vlastitel'nitsy Evrazii. Istoriya i mify o pravitel'nitsakh tyurko-mongol'skikh gosudarstv XIII–XIX vekov*. Saint Petersburg: Evraziya, 384 p.
- Pushkareva, N. L. (1997). 'Polonyanki', *Rodina*, 3–4, 58–61.
- Seleznev, Yu. V. (2009). 'Taitugly-khatun', in: I. M. Mirgaleev, ed., *Elita Zolotoi Ordy*. Kazan: Izdatel'stvo «Fen» Akademii nauk Respubliki Tatarstan, 167.
- Semenov-Tyan-Shanskii, P. P. (2019). *Memuary*. 5 vols. Moscow: Kuchkovo pole. Vol. 1, 560 p.
- Semenov-Tyan-Shanskii, V. P., ed. (1902). *Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisaniye nashego Otechestva. Nastol'naya i dorozhnaya kniga dlya russkikh lyudei*. Saint-Petersburg: Izdanie A. F. Devriena. Vol. 2, 717 p.
- Sokolova, V. K. (1972). 'Istoricheskie predaniya Ryazanskoj oblasti', in: R. A. Fridman, ed., *Literaturovedcheskii sbornik (stat'i i publikatsii)*. Ryazan': [s. n.], 39–69.
- Vasil'eva, O. V. (1990). *Tvorchestvo V. A. Lebedeva v literaturnom protsesse 60-kh — 80-kh godov : dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk*. Leningrad, 214 p.